

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Кирилл КЛЕВАНСКИЙ

КОЛДУН.
ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К48

Серия основана в 2004 году
Выпуск 451

Художник
С. А. Григорьев

Клеванский К. С.

К48 Колдун. Чужое сердце: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 314 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1375-1

Дорогу осилит идущий... Дорога Тима, оказавшегося волею судеб в другом мире, началась с нового, хилого и большого тела, с роли, которой не позавидует и раб. Но все это преодолимо, ведь, сколь ни был бы ты слаб, смелость и отвага в сердце всегда помогут выбрать правильное направление. И пусть в руке лишь меч, а за плечом дырявый мешок, но горн уже запел, а значит, пора отправляться навстречу приключениям, презреть опасность и окунуться с головой в мир, где сбывается любая мечта. Главное — правильно загадать желание.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Клеванский К. С., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1375-1

ПРОЛОГ

Сантос, 355 год Пятой эры

Добряк

Этим вечером на улицах Сантоса, столицы Империи, было на удивление спокойно. Понятное дело, в центральных районах, где обитали богатейшие люди страны, спокойно всегда, но вот на окраине... Здесь все сложнее. Если одинокий гуляка, заплутав или по незнанию заходил в эти места, то рисковал оставить там все, даже подштанники. В случае если заходила дама, то она оставляла свою честь или оставалась сама. Вернее будет сказать, что ее «оставляли», но это уже детали.

Сегодня же все было по-другому. Свет магических фонарей лениво разгонял наползающую тьму. По тонким переулкам не шатались группки Ночников. Не слышно было и Воров. Сегодня семнадцатый день второго сезона, и этот день был праздником для всех, чья жизнь связана с богиней Хартой — покровительницей убийц, воров, пиратов и прочей криминальной шушеры. Один день в году все города, тракты и моря свободны от разбоя. Ни один вор не рисковал подрезать кошелек, ни один убийца не обнажал клинок. Даже самые отъявленные беспределщики предпочитали привычным развлечениям посиделки в кабаках.

Так происходило и на этот раз. Среди двухэтажных домов, редко разбавляемых более массивными сородичами, не видно ни одного подопечного кровавой богини. Лишь иногда можно заметить любителей приключений. Молодым людям и девушкам казалось очень веселым занятием разодеться как можно богаче и пройтись по самому опас-

ному месту Сантоса — улице Пяти Ям. В любой другой вечер парни остались бы в лучшем случае без одежды и денег, а девушки скрасили бы вечерок лихих людей, в худшем — прогулка закончилась бы перерезанным горлом для первых и продажей в бордель — для вторых.

Сейчас же из каждой таверны, из каждого кабака на таких вот авантюристов смотрели десятки алчно горящих глаз. Но ни один не рискнул оскорбить свою покровительницу.

По преданиям, после такого проступка Харта отворачивалась от глупца, а вместе с ней уходила и воровская удача. Сорвав большой куш во время праздника, лишь единицы доживали до конца декады. Кого резали свои, другие попадались в руки гвардейцам, а третьи погибали на деле. Короче, дураки находятся всегда и везде, но за последние пять лет ни один не рискнул поднять пики в праздник.

Так что хозяин трактира «Синий змей» был спокоен, протирая освободившийся стол. Закончив нехитрое занятие, полноватый старик еще раз осмотрел свои владения. В небольшом зале сидели около сорока разумных. И на лице каждого было буквально черным по белому написано: «вор», «убийца», «насильник» или, что еще хуже, — «маг». Маги, служащие Харте, — это отдельный разговор. Гизмо, на старости лет, когда уже не осталось сил носиться по крышам и выслеживать добычу, заделавшийся хозяином питейного заведения, просто на дух не переносил парней с умным и пронзительным взглядом, какой обычно бывал у чародеев.

Некроманты, малефики, демонологи, отравители, черные алхимики — все они смотрели на обычных работников плаща и кинжала с легким презрением. И не сказать, что это незаслуженно. Авторитет и в обществе Ночников, и в обществе Воров завоевывается весьма просто — у кого оклад больше, тот выше по иерархической лестнице. Маги же получали за заказ от сотни до тысячи золотых. Для сравнения — на двадцать золотых крупная крестьянская семья могла прожить год. В городе на двадцать золотых жили студиозусы и при этом позволяли себе развле-

чения и девок. В итоге посоревноваться с такими окладами могли лишь Тени, элита Ночников. Лучшие из лучших. Эти могли получать даже больше, но вот в чем загвоздка — работали Тени тройками. Состав, как правило, был таким: два мага и воин. В общем, Гизмо, сидевший пару лет на стуле главы Воров, всегда с завистью смотрел на магов.

Трактирщик посверлил глазами спину некроманта, этих узнать несложно. Если видишь молодого человека с сальными волосами, грязными ногтями и худощавой конституцией, знай — перед тобой любитель трупов и всякой нечисти. Оставив глупое занятие, Гизмо закинул на плечо обтрепанное полотенце и вернулся за стойку. Как раз вовремя — в «Змея» забрел новый посетитель. Своим внезапным появлением он заставил всех присутствующих обратить взоры на входную дверь. Но разглядывать там было ровным счетом нечего. Средний рост, неприметное лицо, недорогая одежда, аккуратная стрижка и добродушное лицо. Так что через пару секунд посетители вернулись к своим делам: громко спорить, пить и щупать служанок. И только один Гизмо продолжал внимательно следить за посетителем. Уж он-то знал, что это за человек. Уверенным шагом обладатель чуть глуповатой физиономии и на удивление добрых глаз подошел к стойке. Единственное, что дисгармонировало с его внешностью, — гарда кинжала, на мгновение показавшаяся из-под плаща.

— Нальешь? — Голос у него оказался под стать внешности, бархатистый, почти елейный.

— Тебе как обычно? — проскрипел Гизмо.

— Да, и желательно покрепче, а то в последнее время совсем скучно.

Бывший вор, а теперь авторитетный посредник на некоторое время задумался. Подобрать такой заказ, даже для старинного знакомого, будет непросто.

— Есть на примете у меня одна «бутылочка», — протянул трактирщик. — Говорят, из графских.

— А что поставщик? — осведомился посетитель.

— Поставщик? — прищурился Гизмо. Раньше этот

одиночка никогда не интересовался подобными вещами, вопрос звучал довольно подозрительно. — С ним все просто. Сам забрался повыше, чем хозяин «бутылочки», но выпивает редко, лишь когда другие средства устранить головную боль не работают.

— А как по кругляшам?

— Три.

— Что-то дешевенькая «бутылочка», а ведь из графских.

— Три тысячи.

Добряк, кстати, именно такую кличку он носил, хоть знали ее единицы, присвистнул. С такими деньгами можно и на покой уйти, а там, глядишь, свои задумки удастся в жизнь воплотить. Вот только Добряк не привык действовать нахрапом и к делу всегда подходил с особой осторожностью. Раз предлагают такую сумму, значит, чтобы откупорить такую «бутылку», придется приложить немало усилий, а уж про риск и говорить нечего.

— И на какое время рассчитана одна такая «бутыль»? — уточнил одиночка.

— Три декады у тебя есть.

— Хорошо, — кивнул посетитель и положил на стол туго набитый мешочек.

Неуловимым движением Гизмо сгреб кулек и по старой привычке повертел головой, будто опасаясь, что в любой момент руки заломит гвардеец.

— Передай поставщику — я берусь, но со стоимостью не согласен. Придется попотеть. Возможно, потребуется особое снаряжение. Пусть дня через два выдаст аванс, скажем... две сотни.

— Разумно, — согласился трактирщик. — Что ж, тогда выпьем за встречу?

— Давай, — улыбнулся Добряк.

За стойкой продолжали общаться два старых знакомых, а по улице Пяти Ям по-прежнему сновали парочки и небольшие компании. Еще один праздник Харты удался на славу. В кабаках хозяева подсчитывали барыши от проданных вина, пива, браги, медовухи и гномьей настойки. В борделях натужно скрипели кровати, а Дамы, хо-

зайки увеселительных заведений, организованно сплавляли клиентов к своим конкуренткам — шлюх на всех не хватало, что, если подумать, звучит довольно глупо. Но чем заняться бандиту, если нельзя «работать»?

И не только у преступников сегодня был праздник. Стражники тоже развлекались как могли, и, надо заметить, в том же самом районе, иногда даже деля этаж борделя с теми, кого они ловили вчера и будут ловить завтра.

Город спокойно готовился ко сну, еще не зная, какая тьма надвигается на позолоченные крыши дворцов.

Санкт-Петербург, наши дни

Тим

— Козел! Кобель! — Лена окончательно вышла из себя и сейчас продолжала осыпать меня самыми нелестными эпитетами и сравнениями. Эти два слова были первыми цензурными из всей речи. Лишь спустя пять минут изливания самой отборной брани она выплюнула банальное: — Чтоб ты сдох!

Захлопнулась дверь такси, и машина, сверкая мигающими шашечками, унеслась, исчезнув в ночной мгле. И чего она так взъелась? Я ей ничего не обещал, она ни о чем не спрашивала. Фактически это был просто секс без обязательств. Ну да, иногда она оставалась у меня или я у нее на несколько дней. А после этой сессии мы вообще зависали целую неделю. Но я даже представить не мог, что она вобьет себе в голову, будто нас связывает что-то большее, чем постель. И сегодня, когда я оказался застукан с девушкой, учившейся на курс младше, мне устроили грандиозный скандал. Были разбиты несколько кружек, запачканы обои, оказалось поцарапано лицо, причем мое, и много чего еще. Как во время этой бури Ирочка умудрилась незаметно исчезнуть, я даже не представляю, хотя с ее-то фигуркой она могла спокойно вылететь в форточку. Стоп, этот вариант можно смело отместить — в стеклопакетах форточки не предусмотрены, во всяком случае в тех, что стоят в моей двушке.

Квартира мне досталась от родителей. Решив, что в России, в частности в Питере, делать больше нечего, они укатили в Болгарию. Открыли там небольшую гостиницу и теперь раз в месяц переводят на мой счет некоторую сумму. Общаюсь я с ними каждую неделю по скайпу и благодаря современным технологиям могу завидовать бронзовому загару.

Я смахнул со лба выступивший пот и вздохнул. Белые ночи — это, пожалуй, единственное, что удерживало меня в Северной столице. Эти несколько месяцев в году, когда мы приближались к состоянию полярного дня, заволаживали и приносили с собой ощущение некоего волшебства. В первые недели лета город преображался, мощные улочки приобретали мистический оттенок. Единственное «но», которое портило чудесное природное явление, — это грандиозное скопление парочек повсюду. Эти паразиты моего любимого сезона просто гадили в душу. Вот иду я по набережной, а навстречу — жмущиеся голубки. И все бы ничего, но от одного взгляда на их лица меня передергивало. На физиономиях молодых людей просто сияли нелепым светом абсолютно дебильные улыбки. Казалось, разум, забившись в угол, решил взять отпуск и оставил гомо сапиенсов, превратив их в гомо-хрен-знает-кого.

Сам я такое явление, как любовь и все с ней связанное, просто не понимал. Пытался понять, но каждый раз наталкивался на подобие стены, сложенной из кирпичиков логики и знаний. Вот и сейчас я смотрел вслед уже исчезнувшей за поворотом машине и думал, в чем же я провинился. Мне нравилось проводить время с Леной, общаться с ней, спать, но больших чувств не было, и я открыто предупреждал об этом. Но кто разберет, что творится в голове у слабого пола. Лично я точно не мог. В итоге полный облом. За это время у нас появились общие знакомые, и теперь им придется выбирать одну из сторон: либо они сочувствуют Лене, либо офигевают вместе со мной. В своих друзьях я уверен. Уж они, хоть и вечно критикуют мое отношение к «высокому чувству», всегда поддержат. В конечном счете я все равно получаю свою выгоду из такого

финала: сразу станет понятно, кому можно доверять, а с кем лучше свести общение к минимуму.

Уверившись в том, что облома все-таки нет, я хлопнул себя по лбу. Облом был, и заключался он в Ире. Теперь на этом фронте мне точно ничего не светит. М-да. Фигово вышло. Конечно, таким способом я смогу прощупать свой ближний круг, но ведь придется привыкать к воздержанию. Как минимум до следующей вечеринки, когда можно будет завязать нужное знакомство.

Заиграла приятная музыка, и я не сразу понял, что это мобильник.

— Чего? — раздраженно буркнул я в микрофон.

— Нормально так... Тим, что с тобой? — не на шутку обеспокоился Артем, или Том.

С этим вечно спешащим куда-то парнем я знаком еще со школы. Как это часто бывает, мы подрались в первом классе, а после стали друзьями. Со временем нас стали называть «Тим и Том». Мы не обижались. Потом на подготовительных курсах в одиннадцатом классе к нам присоединился Никита, ставший Ником. В отличие от Артема он был спокоен и рассудителен, а очки добавляли парню солидности. Из-за этого некоторые звали его Профессором, но исключительно за глаза. Никита очень огорчился, когда ему пытались прикрепить кличку, а его обиды вкупе с разрядом по какому-то ногопашному спорту слишком дорого обходились обидчикам.

В итоге наша компания поступила в один универ, но на разные факультеты, что, впрочем, не мешало молодым студентам отрываться. Хотя в текущем году тусовок стало значительно меньше. В основном это было связано с приближением защиты бакалаврской работы. И вот буквально пару недель назад все мы получили заветную степень. Я — по филологии, Темка стал программистом (там такое длинное наименование, что проще свести до простого и понятного «прогер»), Ник же теперь юрист. Хотя все это не так важно, все равно еще два года учиться. А потом, если не найду работу, пойду в аспирантуру.

— Длинная история.

— Понятно, — протянул старый друг и уже веселее добавил: — Ты сейчас где?

— У метро.

— Дома, что ли?

Я огляделся по сторонам. Вместо привычных пятиэтажек меня окружали деревья, а сам я стоял на утоптанной тропинке. Нормально! Это же без малого почти Обводный канал. Вот что значит «задуматься».

— Ну практически, — уклончиво ответил я.

— Не суть, — сказал Том. Он, как всегда, торопился и не мог тратить драгоценное время на разговоры. — Лови попутку и мчи в бар «ДН». Мы там.

Не дослушав моих возражений, Артем обрубил связь. Немного постояв и полюбовавшись на причудливую игру сумеречного света с тенями, отбрасываемыми густыми кронами деревьев, я достал кошелек и вытащил оттуда пятак. Настроения идти на посиделки не было, но и домой возвращаться тоже не хотелось. Так что поступил я весьма просто: один бросок монетки — и судьба решится. Эх, знал бы я, сколько всего определит это движение пальцем, развернулся бы и все-таки пошел домой. Но вот монетка взлетела в воздух, на миг застыла, заслонив собой полную луну, и упала на ладонь. Орел. Придется ехать.

Нацепив наушники, я поплелся в сторону дороги. Вообще судьба — очень хитрая штука. Неделию назад у меня порвались старые «уши», я купил другие, со звукоизоляцией, и теперь не слышал ничего, кроме музыки. А стоило бы прислушаться к происходящему вокруг. Встав на обочине, я выставил вперед правую руку с поднятым большим пальцем и принялся ждать. Если через десять минут не найдется машина, придется звонить в такси. И опять в игру вступила судьба: задул шквальный встречный ветер, и, чтобы избавиться от рези в глазах, пришлось повернуться спиной. Так я и стоял на той набережной. Сейчас мне кажется, что прошла целая вечность, но на самом деле минуло всего несколько минут. Дальнейшие воспоминания не очень-то приятны, но не упомянуть о них нельзя.

В спину что-то врезалось с невероятной силой. Я ощу-

тил, как ломаются ноги, а потом перед глазами завертелся калейдоскоп из картинок. Вот я взлетел на добрый метр и мельком заметил модную иномарку, почти вылетевшую в воду... Вот сознание зацепилось за очертание фигуры водителя...

«Как банально», — пронеслось в голове.

Меня сбила блондинка. Время замедлилось, и я успел увидеть в ее правой руке мобильник. Еще банальнее. Потом мозг просто взорвался от боли, но все ощущения тут же отсекло. Со временем я пойму, что мне переломало позвоночник и ноги и что жить мне оставалось всего несколько секунд. Сейчас же я уставился в небо. Луна сегодня была удивительно большой и какой-то не такой. На миг мне показалось, что она живая и... подмигивает мне? Последняя картинка — черная вода, жадно распахнувшая свою пасть.

Глава 1 ПЕЧАТЬ

Гайнесское графство, 355 год Пятой эры

Тим

— Шевелись, вонючее отродье скилса! — Ози, сын графа Фрида Гайнесского, отвесил мне смачную оплеуху.

— Слушаюсь ваше сиятельство. — В который раз, до боли сжимая зубы, еле сдерживая себя, я поставил на стол перед полноватым ублюдком блюдо с фруктами и, не разгибая спины, отошел в дальний угол обеденной, где уже собрались другие слуги.

— Отец, мне нужен другой личный слуга, этот говнюк уже бесит!

Ози в прошлом сезоне стукнуло восемнадцать, но его голос все еще был высок и тонок. А вкупе с дурковатой физиономией и пальцами-сосисками он напоминал перекормленного поросенка.

Впрочем, если посмотреть на его родителей, то все сомнения в том, кем являлись предки семьи Гайнесов, отпадут. Мать — пышная дама с огненно-рыжими волосами и крупным лицом. Несмотря на невероятное количество парфюма, от нее постоянно разило потом. Сейчас, когда она ела (хотя вернее будет сказать — поглощала пищу), из огромного декольте чуть ли не вываливалось вымя, по ошибке называемое грудью. И слава здешним богам, мне не позволялось разгибаться, иначе заблевал бы всю залу.

Глава семьи тоже неплох. Если поставить рядом сыночка и мать и помножить их размеры на полтора, то получим самого графа. Редкие, вечно сальные волоски, высокий лоб и пороссячьи глазки, но при всем при этом он

держался как король мира. Конечно, все это показуха. Как-то раз в замок зарулил местный герцог. Он оказался полной противоположностью Гайнеса-старшего. Высокий, статный, широкоплечий, герцог вечно придерживался за эфес клинка. В каждом его движении сквозило желание растерзать глотку любому, кто осмелится встать у него на пути. Пожалуй, в другой обстановке я бы обязательно взял у него автограф, потому что, по моим представлениям, именно так должен выглядеть дворянин.

Так вот, граф Гайнесский, совсем потеряв рассудок, решил, что ему все нипочем, и нахамил герцогу, а сынишка, по слухам, облапал его дочь. Герцог уехал недовольный, а мне довелось увидеть, как гордый Фрид превращается в испуганного кабанчика, зажимающегося в угол при любом шорохе.

— Не понимаю, что тебе в нем не нравится? — пропичала графиня. При своей комплекции она обладала на удивление визгливым голосом. — И на скилса не похож — хвоста нет, чешуи тоже, разве что воняет, ну так все смерды этим страдают.

Вот гадина. На секунду я потерял самообладание и, сжав кулаки, хрустнул костяшками. Вернув подобающий слуге вид, я вновь взмолился, чтобы ни один из «благородных» не услышал этого звука. Еще одной порки мне не пережить.

— А сынок дело говорит, — встрял хозяин замка. — Отребью уже пятнадцать, выгоднее будет запечатать другого, а этого через декаду продадим на рудники.

— Спасибо, отец! — радостно вскрикнул Ози и, промокнув губы салфеткой, с ненормальной для своей комплекции скоростью выбежал вон.

Меня бросило в дрожь. Всего неделя! Это рушит все планы. Хотя — тут я слегка улыбнулся — терять мне все равно нечего. Положение личного слуги ничем не лучше рабства. По сути, оно им и является. Просто по законам Империи — одного из государств мира Ангадор, куда меня забросила судьба, — это самое рабство вроде как запрещено, но умные люди найдутся всегда. Теперь любой маг, вернее, не любой, а специальной квалификации, мог

наложить на разумного Печать Верности, обрекая того на вечное служение господину телом и душой. Единственная загвоздка состояла в том, что это колдовство закреплялось лишь при обоюдном согласии слуги и господина. Но и эту букву закона можно обойти: всего-то надо подыскать глупенького деревенского паренька и пообещать ему золотые горы. А кто откажется? Не отказался и молодой Ройс, утянув за собой старшую сестру. Самое обидное — ему уже все равно, а вот у меня уже целый год сплошные проблемы.

Трапеза закончилась, и тучная семейная пара выползла из-за длиннющего дубового стола. Тут же засуетились слуги. Кто-то подметал пол. Мне это казалось совершенно глупым занятием, все равно вечером здесь состоится очередная тусовка и на следующее утро мусора будет ровно такое же количество. Не умели здешние вести себя, но об этом позже. Мне же, чтобы опять не оказаться в руках десятника, полагалось носить посуду на кухню. Схватив в руки два серебряных подноса и поставив на них три золотых кубка, я стрелой понесся в противоположное крыло. По дороге, рассматривая искусно выполненные витражи, дорогие гобелены, жадно цепляясь взглядом за магические светильники, я в который раз вспоминал все, что со мной произошло, и просчитывал то, что должно произойти.

Год назад я очнулся в палате здешнего лекаря, точнее, заштатного травника, окончившего лишь первый курс магического универа. Когда солнце резануло по глазам, я — на мгновение для данного мира и на целых четырнадцать лет для себя — выпал из реальности. В голове пронеслись все воспоминания молодого сироты по имени Ройс. Жил этот паренек со своей сестрой в деревушке Чистые Ключи на окраине графства. С восьми лет пахал и сеял, охотился, иногда подрабатывал в трактире. Но, несмотря на столь тяжелые условия, паренек никогда не унывал, он жил только ради своей сестренки. Жейла была старше мальчугана на четыре года и занималась работой по дому. После смерти родителей, которых забрала лихорадка, она мало выходила на улицу. В сердце девушки по-

селится страх, она до жути боялась так же слечь и погнбнуть в мучениях.

Так они и жили. Но наступила десятая для Ройса зима, принесшая с собой ужасные заморозки. Промерзшая земля не дала вообще никакого урожая, отложенные деньги быстро закончились, а трактир разнесла гуляющая дружина графа. Дети оказались на грани смерти, но и тут Ройс не сплховал, во всяком случае так казалось ему самому. Собрав нехитрые пожитки и кое-как вытащив Жейлу из хибарки, он отправился в замок. Там его встретил Ози, показавшийся тогда парнем очень добродушным и понимающим. Маленький крестьянин даже и представить не мог, что это обычная маска, которую молодой граф нацепил, чтобы добиться расположения Жейлы, той еще красавицы. Уже в четырнадцать лет она могла дать фору многим дворянкам. Коса толщиной с кулак, тоненькая талия, длинные ноги, пышная грудь и удивительно нежная кожа. Графский сынок возжелал эту красотку с первых секунд встречи, именно поэтому он приютил парочку в замке. И через сезон Ройс получил печать личного слуги, не подозревая о том, что превратился в раба. Впрочем, обращались с ним на удивление хорошо. И однажды мальчуган узнал причину этой доброты.

Возвращаясь с работ из конюшни, он заметил, как четыре пьяных дворянина домогаются его сестренки. Главным среди подонков был сам Ози. Я уважаю Ройса, хоть и сам его убил: будучи еще ребенком, он не испугался и, схватив подсвечник, ринулся на защиту сестренки. Увы, печать спасла дворянского ублюдка от смерти. Пьяный Ози поведал своему рабу, почему с ним так хорошо обращались на протяжении трех лет. За спокойствие мальчугана Жейла расплачивалась своим телом. И тогда Ройс вспомнил все слезы сестренки, ее синяки и ссадины. Не имея возможности что-либо сделать, он только лежал, придавленный магическими путами, и плакал. А его сестренка улыбнулась и, попросив не волноваться, ушла в спальню с графским сынком и его приятелями. Ройс лежал до самого рассвета, слушая крики и стоны, захлебываясь собственными рыданиями. Через два дня Жейла

перерезала себе горло. И я не мог ее винить за это. Жизнь на Ангадоре страшнее и жестче, чем на Земле, и нетрудно представить, что с девушкой сделали за ночь четыре парня, которым в мозг ударили гормоны и алкоголь.

После этого случая жизнь личного слуги превратилась в ад, и он решился на страшный шаг. Пошел на речку и попытался утопиться, но печать не позволила совершить самоубийство без дозволения хозяина. Ройс выжил, а по пути подцепил меня. Сейчас я вижу некоторую связь между происшествием на набережной и тем фактом, что я подселился к пареньку в реке. Собственно, эту связь только идиот не заметит.

Едва в голове, тогда еще не моей, уложились воспоминания о двух жизнях, пришло время драки, драки за тело. Очень сложно подобрать слова, чтобы описать, что же произошло. По сути, мы сражались где-то глубоко внутри общего сознания. Мы рвали, резали и сжигали друг друга, но в итоге выжил я. Возможно, благодаря тому, что жить я хотел куда сильнее этого разбитого жизнью паренька. А возможно, потому что моих воспоминаний оказалось больше, ведь жил я на целых семь лет дольше. Но итог один — Ройс погиб, а я выжил и уже год пребываю в теле этого парня.

Через сезон (здешний год делится на четырнадцать сезонов, в каждом из которых двадцать четыре дня) я вырыл ямку на поле и, положив туда гребешок, подаренный Ройсу сестрой, соорудил небольшую могилку. Так я пытался хоть как-то успокоить тогда еще живую совесть. Впрочем, совсем скоро это ненужное чувство полностью отмерло. Этот мир жесток, и в нем все решает сила. И пусть тот, кто станет утверждать обратное, проглотит свой лживый язык. Можно, конечно, покопаться и что-то выкопать насчет денег, власти и прочей ерунды, но если упростить, то получим силу. И я стал искать ее в себе. Увы, безуспешно: пока существует печать, свободы мне не видать.

Хотя лазейка была. Печать влияла на душу и на тело, но душа заменилась, как и сознание. Теперь я могу делать то, что считаю нужным, заклинание не мешает. Но

отследить меня по нему все еще удастся, поэтому бежать можно лишь после смерти Ози. Это знание о некоторой свободе действий дорого мне обошлось. Когда я два раза якобы случайно оцарапал этому подонку лицо, мне высыпали по десять плетей. До сих пор в ушах стоит свист падающего кнута и преследует ощущение, словно со спины снимают кожу вместе с мускулами. На третий раз мне сломали восемь ребер. Это случилось полгода назад, и прошло только две декады, как я восстановился. Но время не было потрачено зря, эти семь сезонов я учился. Подсматривая из окна комнаты для слуг за тренировками воинов, я пытался повторять их действия. Увы, пришлось бросить это бесполезное занятие. Нарастить мышцы я не мог — мешали срастающиеся ребра, поэтому глупо было пытаться размахивать ножкой стула, заменившей меч.

Учитывая все эти факторы, я пришел к простому выводу: где не взять мечом, обычно берут ядом. Две попытки отравить молодого графа закончились смертью двух служанок и полным крахом для меня. К этому времени я забыл, что такое совесть и забота о ближнем. Моя цель проста — убить засранца и бежать. О том, чем буду заниматься потом, я пока не думал, но скорее всего вступлю в армию императора. Там меня обучат владению мечом, а также я смогу немного подзаработать. Геройствовать я не собирался, а уж как-нибудь отлежаться на поле боя, так, чтобы не растерять свои кишки и чтобы начальство не распознало дезертира, я сумею.

Пораскинув мозгами, на работу которых никогда не жаловался, я взял в руки старый кинжал, подобранный на плацу, и стал учиться. Каждую свободную минутку, почти без сна и отдыха, я тренировал владение этим оружием, попутно развивая тело. И раз уж физические нагрузки противопоказаны, я стал заниматься растяжкой и координацией. И в этом мне помогла память, ставшая единственным бонусом, полученным благодаря такому перемещению. С серым веществом в черепе что-то произошло... не знаю, может, там тумблеры какие переключились, но теперь я помнил почти все из прошлой жизни. Исключения составляли такие детали, как запахи и ощущения.

Также я не запоминал, например, сколько листьев на дереве, но вот все остальное... В общем, спасибо земным паркуристам и гимнастам, выкладывающим свои ролики в Интернет. Нет, за несколько сезонов я даже близко не подобрался к их уровню, но получил хоть приблизительное представление о том, какие надо выполнять упражнения. Кстати, сейчас я дико сожалел о том, что почти не прочел учебников или другой полезной литературы. Сейчас, возможно, пошел бы по стопам других попаданцев и занялся прогрессорством, но, увы и ах, все мои познания в узкоспециализированных областях начинались с поваренной книги и заканчивались брошюрой «Раскладка палатки для чайников».

— Не зевай! — крикнула повариха, и я еле увернулся от черпака, летящего в мою физиономию.

— Шина, да ты совсем из ума выжила! — обиделся я. — Чуть не убила.

— А тебе какая разница, — пожала плечами она. — Все равно через сезон подохнешь. В каменоломнях долго не живут.

И с этим нельзя не согласиться. В демоновых каменоломнях, по слухам, битые жизнью мужики больше года не тянут, что уж говорить о том организме, который достался мне.

Махнув рукой, я схватил яблоко, увернулся от скалки и побежал работать. Сейчас нельзя позволить кому-то прознать о моих планах, следовательно, стоит поддерживать игру еще пять дней. Этого времени хватит на подготовку, а там либо я, либо меня. Желательно, чтобы первое. К вечеру я полностью выбился из сил. Лишь благодаря упорству и какому-то внутреннему стержню выполнил получасовую тренировку и мешком рухнул на каменный пол, где и заснул.

На следующее утро, сжав зубы, я спустился в конюшню и, схватив пару тычков от конюха, принялся вычищать стойла. Сегодня пройдет первый этап, и от него зависит успех всей кампании. Взяв ведро и лопату, я отправился выгрести навоз из первого загона. Там стояла пятнистая кобылка очень спокойного нрава и с добрыми

глазами. Старина Ройс частенько наведывался к ней, используя животное в качестве жилетки, и винить его в этом я не мог. Единственная проблема заключалась в том, что кобыла любила паренька, и это замечали все слуги, а вот ко мне относилась пренебрежительно, будто чувствовала, что я — не он. Так что сейчас, накладывая пахучие экскременты в проржавевшее ведро, я краем глаза следил за животинкой, дабы быть готовым к любой ее выходке.

В прошлый раз, прозевав момент, я был вынужден целый час отмываться. Кобыла тюкнула по ведру, опрокинув на меня продукты своей жизнедеятельности. Мне до сих пор иногда чудится отвратительное зловоние. Но сегодня без ее помощи не обойтись. Целых два сезона я мучил это создание, и теперь каждое утро меня ждала какая-нибудь пакость от когда-то тихой лошадки. Сделано это было для того, дабы все поверили, что пятнистая кобыла реально может зашибить меня.

Достав из кармана холщовых штанов длинную спицу, я с расстояния четыре шага сделал точный бросок. Железка угодила прямо в круп животного. Лошадь протяжно заржала и встала на дыбы. Конюшенные сбежались на шум, и как раз вовремя. Кобыла вдруг развернулась. В ее налившихся кровью глазах читалась моя смерть. Перехватив дровко лопаты поудобнее, я приготовился к самому страшному. Противница, фыркнув, подражая быку, ринулась в лобовую атаку. Я не сделал ни шага в сторону.

— Беги, засранец! Беги! — надрывался главный конюх.

Время замедлилось. Я видел, как вылетает земля из-под ног кобылы, заметил, как перепрыгивают через барьер мужики. Если в лекарской палате очнусь позже чем надо, то второго такого шанса не будет. Как-то неудобно оставлять свою судьбу на волю случая, но я теперь уже не отличал первое от второго, и поэтому, сделав шаг назад, якобы споткнулся и выронил лопату. Возникшее ощущение в области грудной клетки напомнило мне о несчастном случае, произошедшем в другом мире. Разве что в этот раз удар был в десятки раз слабее. Вот только сознание я удержать так и не смог...

Добряк

— Твою ж мать! — выругался убийца.

Сегодня последний день, когда еще можно откупорить «бутылочку». Но поставщик в последний момент сменил цель, и теперь вместо пузатенькой «бутылки» придется ковырять меньшую емкость. Поднеся к глазам дорожный артефакт с заклинанием «соколиный взор», Добряк осмотрел замок. Крепкая стена высотой под четыре метра и шириной около двух. Для осады не предназначена, стоит лишь для виду. Оно и понятно: если уж враг доберется до сердца Империи, то никакие стены не остановят такого противника. Это только в приграничье можно встретить крепости-гиганты, а здесь таких нет. И это не могло не радовать Тень-одиночку. Взглянув на небо, где ярко горела алая звезда Харты, старый убийца произвел нехитрый обряд — облил изогнутые кинжалы кровью и прочитал молитву. Теперь можно идти на дело.

— Аркх! — согнулся он в приступе кашля.

В очередной раз грязно выругавшись, Тень снял с пояса маленькую емкость, похожую на пробирку алхимиков, и залпом проглотил оранжевое зелье. Добряк был уже стар, в свои семьдесят он держался на одних эликсирах, иногда тратя на них целых две трети гонорара. И сегодня он пойдет на дело в последний раз. Трех тысяч вполне хватит, чтобы исполнить волю его рода, согласно которой он должен передать свое искусство потомку. Отсутствие детей Тень не смущало — за сезон он найдет себе достойного ученика и усыновит его. Такая практика весьма распространена среди убийц из его рода. Мало кто рисковал заводить семью да и вообще обзаводиться какими-либо связями. Слишком уж это опасно.

На стене моргнул факел, и между зубцами вновь воцарилась тьма.

«Смена караула», — подумалось убийце.

По полю заскользил одинокий силуэт. Добряк был перестраховщиком, он мог и в полдень спрятаться на площади, но в этот раз старику захотелось сделать все честь по чести, чтобы не оставалось ни единого шанса провалить дело. Впрочем, первый же внимательный осмотр

стены заставил усмехнуться «любителя выпить». По таким трещинам и выбоинам даже тяжелый пехотинец в полном доспехе поднимется. Зажав старший кинжал в зубах, Добряк стал взбираться. Но даже эта кажущаяся легкой стена не заставила его утратить бдительность. В любой момент он был готов затаиться и замедлить ритм сердца. И один раз ему пришлось так поступить. Какому-то стражнику, пришедшему слишком рано на смену, взбрело в голову отлить, и он решил сделать это прямо со стены. Слава Харте, ни одна капля не попала на плащ Тени. Иначе вояка так просто бы не умер.

Загоня лезвие в основание черепа, убийца уверился в том, что расслабляться нельзя никогда. Две декады наблюдений, составление графиков смены караула и передвижения слуг — и вот дело чуть не загубил шут-случай. Звеня бубенчиками и показывая язык, выкинул нехитрый финт. В замке шла пирушка, и хозяину взбрело в голову выкатить во двор несколько бочек с дерьмовым вином. В итоге пьяные стражники и слуги сновали туда-сюда, а около ворот скопилось немалое количество карет. Дворяне спешили на вечеринку, вернее, они торопились пожрать на халяву, заключить пару-тройку союзов, организовать несколько заговоров, помахатьсь на дуэли, повалять чужих служанок (свои-то приелись уже), ну и найти подходящую партию своим чадам.

Аккуратно уложив еще теплое тело на карниз, Добряк начал вести отсчет. Караул меняется каждые сорок минут, а убийца уже промотал целых полторы. Обругав себя самыми последними словами, потомок сгинувшего рода нашел глазами лестницу и так же незаметно спустился вниз и скрылся в тени стены. Перед взором незваного гостя предстал сам замок. Пять шпилей говорили о том, что это сооружение рассчитано на три тысячи жителей, вот только не было видно дополнительных казарм, а в конюшнях стояло лишь несколько животин. Добряк усмехнулся. Хозяин явно не имеет никакого отношения к воинскому делу. И скорее всего даже не посылает свою дружину на ратные подвиги, просто передает в канцелярию нужную сумму — имеет право.

Наверняка от этого страдают окрестные деревеньки. Тень не сомневался, что туда часто навдываются эти солдатики. Сплюнув, Добряк, застывая при каждом шорохе и таясь, заспешил к западному крылу. Там на третьем уровне находилось окно, ведущее в покои «младшей бутылочки». Подойдя вплотную к крылу, убийца расслышал далекие голоса. В зале все еще гремели здравицы, а вот по комнаткам уже расползались парочки.

«Самое время», — подумал Добряк.

Стены замка оказались в таком же состоянии, что и крепостные. Уже через пять минут он оказался в покоях паренька по имени Ози. В большой комнате помимо огромной кровати стояли пустой книжный шкаф и столик, заставленный разнообразными склянками и флакончиками. Убийцу передернуло. Немудрено, если клиент окажется презренным мужеложцем: такое количество парфюма не у всякой леди увидишь. Еще раз окинув взглядом помещение, Тень стал выбирать позицию. По его подсчетам, всего через пару минут здесь окажется цель, причем не одна.

В первую очередь Добряк заинтересовался балдахинном, но с виду крепкая площадка почему-то не вызывала у профессионала доверия. Так что недолго думая Тень завернулся в свой артефактный плащ и затаился в восточном углу, самом темном. Привычно замедлив биение сердца и ослабив дыхание, смертельно опасный посетитель стал ждать.

Тим

Как и было задумано, очнулся я в палате лекаря. За окном уже сгущались сумерки, а в распахнутые ворота въезжали кареты. Именно по этим нехитрым средствам передвижения любой знающий человек сможет многое сказать о владельце. Вот, например, сейчас лакеи побежали к карете. Она небольшая, но размерами легко обмануться. Дверцы обиты бархатом, поверх которого виднеются золотые накладки, рессоры — из восточного дерева. В нашем (мать его, я уже «в нашем» говорю — верный признак

того, что пора делать ноги) замке было всего одно креслице из того же материала, и, по слухам, его стоимость превышала месячное содержание всего гарнизона, а это около двух сотен, если не больше. Один быстрый взгляд на лошадок, четырех породистых жеребцов, — и я уже понимаю, что к нам заявился кто-то из виконтов. Скорее всего сынок одного из безземельных герцогов.

Тут с этими дворянскими титулами вообще беда. Я-то, наивный, всегда предполагал, что безземельные дворяне — в основном барончики, но здесь титулы распределялись очень странно. Это связано с тем, что когда-то Империя была огромной страной, объединившей под своим началом десятки стран поменьше. Теперь же, спустя добрую тысячу лет, ее территория уменьшилась в разы. В итоге землей обладали не все, а вот титулами — пожалуйста. Правда, и здесь есть свои подводные камни. Ну не может человек жить без соперничества, поэтому благородные поступили весьма просто: друг перед другом они кичатся не громким званием, а родом. Всего в землях Империи существует пять родов, у каждого из которых есть по семье (это что-то вроде побочной ветви; в семью могли принять даже смерда за особые заслуги). Говорят, когда-то был и шестой род, но его вырезали под корень еще четыре столетия назад. В голове Ройса информации по этому поводу — с гулькин нос. Единственное, о чем хоть как-то можно догадаться, — шестой род был местным «выродком». Якобы в него входили одни черные колдуны и убийцы. Уж не знаю, сколько в этом правды, но некоторые здешние «благородные» вполне достойны немедленной казни... Хотя ни одного потомка какого-либо из родов я пока еще не видел. Не то положение у графа, чтобы на его тусовки заезжали такие гости.

Впрочем, что-то я совсем расслабился. Первый этап прошел как по маслу, но это не значит, что можно вздохнуть с облегчением. Осмотрев повязки на груди, я попробовал пошевелить рукой. Получилось. Но если сильно напрячь мышцы, тело взрывается болью. Все-таки я не до конца восстановился, а тут кобыла еще добавила. Ну ничего, игра стоит свеч. Выбравшись из местного медпунк-

та, я направился на третий этаж. Миновав лестницу, чуть не столкнулся с одним из стражников. Волей судьбы тот напился в хлам и теперь рыскал по длинным замковым коридором в поисках доступной служанки.

Благо между нами оказалась неосвещенная ниша, куда я и нырнул. Самое обидное, что если бы я вшил в штаны не одну иглу (ту, что предназначена для графского сынка), а две, этого охламона можно было бы завалить. Не зря же я тренировался, постоянно вызываясь резать кур, свиней и прочую живность. Поначалу было очень сложно, первая свинка целую неделю снилась. А потом что-то внутри надломилось, хотя вернее сказать — отключилось. И теперь я почти уверен, что если смогу обосновать для себя необходимость того или иного поступка, то никакая мораль, вбитая в голову на Земле, меня не остановит. Так что сейчас я со всех сторон рассмотрел возможность завалить солдата голыми руками. Главный аргумент «за» — отведу от себя подозрения хотя бы на пару часов, поскольку никому не придет в голову, что подобное мог совершить доходяга Ройс. Этого времени вполне хватит, чтобы сплавиться вниз по речке. Главный минус — как я порешу здорового мужика, будучи в этом дистрофичном тельце? Именно поэтому насвистывающий нехитрую мелодию стражник сейчас скрылся за поворотом.

Все еще сидя в нише, я стянул с себя штаны и зубами распорол длинный дополнительный шов. В руку легла холодная металлическая игла сантиметров пятнадцать длиной. Вообще так называемая игла — это обработанная и заточенная дверная скоба. Но лучшего оружия раздобыть не смог. В самом деле, не с ржавым же кинжалом мне ночами разгуливать? Да и сломался он еще пару декад назад.

Пять минут ползания по коридору, несколько ссадин, изодранная рубашка — и вот я уже у дверей опочивальни маленького поросенка. Не стану скрывать — называл я его так, лишь бы усилить ассоциацию с тем существом, которое убивать мне уже было привычно. Я до сих пор опасаясь, что в последний момент может дрогнуть рука. Сердце бешено стучало. Я даже сам не понял, зачем играл

в диверсанта и полз по стеночке, все равно народу здесь нет. Нервы ни к черту. Но спасибо домашней скотине и неумному аппетиту графской семьи — я научился подавлять подобные признаки беспокойства. Напрягая мышцы, сделал несколько глубоких вдохов, а потом, расслабляясь, зараз выдохнул через нос. Дрожь отступила, сознание прояснилось, сердце успокоилось. По-особому придерживая дверную ручку, я тенью проскользнул в опочивальню.

Уже буквально на финишной прямой. Осталось сделать всего пару шажков — и стану свободен. Воровато оглядевшись, я не нашел ничего лучше, кроме как забраться на балдахин. Прижав к груди иглу, которой выпала честь стать золотым ключиком, ведущим меня прочь из этого ада, я подумал о том, что впервые в жизни вообще что-то планирую. Раньше я жил одним днем, редко думал о дне завтрашнем... да что там врать, никогда не думал. А сейчас я хладнокровно просчитал ситуацию. Попасть в лазарет надо было для того, чтобы меня не стали искать. Когда обнаружат тело Ози, людям графа лишь спустя некоторое время придет в голову проверить, как там личный слуга. Игла тоже нужна не просто так. По слухам (а все мои выводы основывались на слухах — Ройс был очень уж нелюбознательным пареньком), такое оружие убийцам вручали обиженные девушки для выполнения заказа. А графский подонок, пользуясь своим, как ему казалось, высоким положением, часто валял не вышедших титулом дворянок.

Ну и последнее — сегодня на псарне произойдет пожар. Конечно, собачек жаль, но если их пустят по следу, то скрыться будет сложно. Благодаря телеканалу «Дискавери» я в курсе того, что даже форсирование реки не спасет от ищеек. Ах да, забыл упомянуть — в замке есть два мага. Сегодня утром за завтраком я им подсыпал один порошочек. Пришлось повозиться, чтобы раздобыть его, но, думаю, сейчас эти два чародея не слезают с горшка, а завтра у них так прихватит голову, что думать они будут только о гильотине или топоре.

Самокопание было прервано ощущением того, что в

комнату кто-то проник. Я не решился сдвинуться с места, списав все на прорстапающее волнение. Ведь вряд ли Ози заявился бы сюда один. И уж точно он бы не стал таиться, а, как всегда, начал громко сопеть, бессвязно бормотать, грохнув что-нибудь по дороге. Именно так он себя вел, когда напивался. Впрочем, осталось лишь ждать.

Добряк

Он уже начал скучать. По времени выходило, что через двадцать минут произойдет смена караула, и тогда в замке поднимется паника. В принципе «выпить бутылочку» можно будет и при таких обстоятельствах, но как не хотелось завершать карьеру на подобной ноте! Тень хотел сделать все чисто, дабы было что рассказать будущему ученику.

«Да, ученик...» Мысли о том, что совсем скоро он передаст знания кому-то другому и уйдет на круг перерождения, с одной стороны, грела, а с другой...

Убийца не знал, что такое страх, но мысли о скорой смерти что-то подтачивали в нем. Наверное, он опасался неизвестности.

«Пожалуй, стоит побеседовать с некромантами», — решил для себя потомок изведенного рода.

Только глупцы полагают, будто святоши знают о том, что происходит за чертой. Некроманты — вот те разумные, которые смогут дать пару советов и ответить на несколько вопросов. Именно они и никто другой. Кто еще так близок со смертью, разве что не спит с ней? А святоши — это просто ходячие винные бочки, старающиеся забить кошельки монетами доверчивых прихожан. Иногда, проходя мимо храмов, Добряк с отвращением смотрел на этих господ. Он сравнивал их со стадом, покорно идущим на убой. Давно минули религиозные войны, уже несколько тысяч лет храмовники не сражаются за своих богов. Да что там говорить — на магов, открывших душу темным искусствам, даже инквизиции нет. Но, как говорится, осадок остался. Ведь именно из-за храмовников почти пять

веков назад был уничтожен его род. От этих мыслей Добряк сильнее сжал кинжал.

Скрип двери избавил Тень от гнетущего настроения. Добыча попала в капкан.

— Я не могу... это неправильно, — шептала девушка.

— Не бойся, — утешал ее молодой граф. — Это будет совсем не больно, я обещаю.

Добряка передернуло. Это же надо так напиться, причем обоим. Леди была уродлива не в меру: кривой нос, заячьи зубы, чуть ли не впалая грудь. И «бутылка» скорее была круглым бочонком. Разве что рясы нет.

От дальнейшего процесса выдавшего виды убийцу чуть не вывернуло наизнанку. Даже балаган уродов по сравнению с этим был императорской выставкой живописи. Слава Харте, толстяка хватило лишь на один круг, второго раунда психика нормального человека не перенесла бы. Тень тихонько приподнялся и двинулся к кровати, где уже сопела колоритная парочка. И тут с балдахина кто-то легко спрыгнул.

«Не может быть!» — восхитился Добряк.

Он трижды сканировал комнату и постоянно держал обстановку под контролем, но так и не обнаружил этого молодого паренька.

«Совсем стар стал», — мысленно вздохнул убийца.

По правилам нужно было прирезать этого хлюпика, а потом кончать «бутылку» и, вырезав глаза, валить с подтверждением к Гизмо. Но Тень решил подождать. Возможно, именно сейчас он видит перед собой будущего ученика. Высокий, но очень тощий парнишка с длинными волосами уверенным движением отдернул одеяло. В его руке сверкнула игла. Добряк опять восхитился: сердце юноши не дрожало, его дыхание было спокойным. Но тут что-то скрипнуло. Парень отступил назад, его рука задрожала, он явно упускал момент.

Сперва Добряк решил, что мальчишка струхнул, но потом заметил, что тот в упор смотрит на дурнушку.

«Все ясно», — решил убийца, когда взглянул на дистрофика через артефакт истинного зрения.

Пацан оказался личным слугой с поломанной печат-

тью. И, надо отдать должное, решил избавиться от нее самым радикальным способом, но в последний момент испугался, что придется валить еще и девушку. Тень выдвинул руку с кинжалом, намереваясь решить проблему с несостоявшимся учеником, но тут парень вопреки всем ожиданиям вернул нужное состояние и сделал шаг вперед. Раздался протяжный скрип.

— Что ты тут делаешь?! — завизжал проснувшийся толстяк.

— Идиот! — взревел Добряк.

Пацан обернулся и уставился на убийцу извиняющимся взглядом. Дальнейшее для мальчишки, Ози и дурнушки слилось в единую неразличимую цепь событий. Вот размазался незнакомец, превратившись в черную молнию. Упал на пол бывший раб, скошенный одним точным, но не смертельным ударом в висок. Всхлипнула девушка: из ее лба торчала игла, недавно сжимаемая нерешительным пацаном. А Ози даже не успел позвать на помощь: его глаза уже покоились в руке Добряка, а душа отправилась перерождаться. Все это произошло лишь за мгновение.

Тень взглянул в болезненное лицо лежащего на полу мальчика.

— И что мне с тобой делать? — обронил убийца.

Вздохнув, он обнажил младший кинжал и наклонился к еще дышащему телу. И тут облака расступились, свет полной луны отразился в лезвии занесенного кинжала, на миг ослепив Добряка. Он взглянул в окно, но ночное светило вновь скрылось за тучами.

— Понял, не дурак, — кивнул убийца и взвалил на плечи пацана. Весил тот не больше перышка. — Вот тебе и последнее дело. Ушел, демоны меня загрызи, красиво. Ну хоть ученика искать уже не надо.

Замок Тень покинул так же незаметно, как и появился в нем.

На следующее утро Фрид, обнаружив убитого сына, чуть не лишился рассудка от горя. Впрочем, через два часа его заколола кинжалом собственная жена, обвинив в

смерти кровинки, после чего тучная графиня выпрыгнула из окна. Всего за два дня замок был разорен. Что-то забрали слуги, разбегаясь кто куда, но основные ценности вынесли солдаты. Уже через неделю соседи растерзали графство на кусочки. Хотя самые плодородные земли отошли императору, у которого по случайному стечению обстоятельств в друзьях оказался один герцог, очень не любивший «выпивать», но знавший толк в том, как это правильно делать.

Глава 2 ПЕРВЫЕ ШАГИ

Тим

Зима прошла, наступил четвертый сезон, принесший с собой дыхание весны. Я лежал на холме и, зажмурившись, полностью отдавался во власть рая, наступавшего в это время на Ангадоре. Третью декаду светило солнышко и зеленела природа, но все еще дул прохладный ветерок. Эти десять дней я был недоступен для истязаний учителя. Бесконечные тренировки больше не волновали, как и наставления старого мастера. Все, чем я занимался, — праздно валялся на любимом холме. С него открывался потрясающий вид. Далеко на севере виднелись величественные горы, прячущие свои пики где-то в облаках. На западе, если постараться, можно заметить полоску торгового тракта. Сейчас там очень оживленно. Торговцы, ловя момент, пытаются провезти как можно больше товара, ну и бандиты тоже не зевают.

С востока на меня смотрит с небольшой ноткой укора тысячелетний лес. Мы частенько тренировались там с Добряком. И именно там я занимался чем-то вроде паркура, используя вместо арматур и зданий разлапистые деревья. Прыгая с ветки на ветку, подражая скорее макаке, чем трюкачу, я вызывал у учителя презрительную усмешку: мол, занимается юный падаван всякой фигней.

Ну а на юге... На юге за долиной стояли деревушки, там заканчивалась власть природы и начиналась цивилиза-

ция. За пять лет жизни на севере Империи я уже отвык от человеческого общества. Добряк не отпускал меня одного из дома дальше этого самого холма. Но я не жаловался. После того года, показавшегося мне целой вечностью, я и не стремился возвращаться в лоно социума. Там нужно будет спешить, что-то делать, а здесь я могу расслабиться. Здесь все идет своим чередом.

Пять лет назад я очнулся в лесу, а передо мной стоял человек, завернутый в черный плащ. Он протянул мне кружку с отваром — до сих пор помню этот странноватый металлический привкус — и предложил выпить. Когда же я спросил, зачем это, он ответил, что либо я пью и становлюсь его учеником, либо секир-башка. Думал я недолго, да и пить хотелось. А потом начался кошмар... Ладно, вру, первые семь сезонов был реально кошмар, а дальше втянулся.

Первые два сезона мы провели в дороге. В это время Добряк занялся моей физической подготовкой, гонял только так. Иногда мне казалось, что он сущий демон и раздвигает часовые рамки от привычных двадцати четырех часов до всех сорока. Когда же мы добрались до ставших родными мест, пришлось помогать учителю в строительстве. Был воздвигнут небольшой дом, скорее даже маленький — две комнаты и склад, где хранились инструменты и оружие. Еще имелся погреб. Затем возвели мини-плац, построили хитрые тренажеры — например, «Малыш Боб», так я его называл. Человекоподобная деревяха со сложной системой рычагов и веревок приводилась в движение колесом. И чем быстрее Добряк крутил эту чертову баранку, тем быстрее вертелся «Бобби». Остановить его можно, лишь засадив кинжал в одну из восьми точек, а поскольку те были размером с грецкий орех, сделать это весьма непросто.

Но и это еще не все. В первый год мне пришлось целых три сезона проходить с привязанной к телу правой рукой. Я ел левой, дрался левой, отжимался, подтягивался, разминался... короче, вот это далось реально нелегко. Зато сейчас я управляюсь обеими клешнями приблизительно на одном уровне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Печать</i>	14
<i>Глава 2. Первые шаги</i>	31
<i>Глава 3. Бал</i>	47
<i>Глава 4. Пустые ножны</i>	66
<i>Глава 5. Новый путь</i>	82
<i>Глава 6. Деревня</i>	102
<i>Глава 7. Под Борсом</i>	124
<i>Глава 8. Харпудов гребень</i>	143
<i>Глава 9. Во тьме.</i>	160
<i>Глава 10. Красный снег</i>	181
<i>Глава 11. Пятый клинок.</i>	214
<i>Глава 12. Тиха нимийская ночь</i>	234
<i>Интерлюдия</i>	277
<i>Глава 13. Шоудаун</i>	284
<i>Эпилог</i>	310